

ЯНИНА КОРБУТ

ПАЛАТА № 3
ПАЦИЕНТ _____

АЛАТЫРЬ ЕВЫ

Когда свобода стоит жизни

Выжить любой ценой. Психологический триллер

Янина Корбут
Алатырь Евы

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корбут Я. О.

Алатырь Евы / Я. О. Корбут — «Эксмо», 2026 — (Выжить любой ценой. Психологический триллер)

ISBN 978-5-04-245818-7

Ева была уверена, что ей повезло: у нее есть уютный дом и безупречный, обаятельный муж, которому можно доверить свои тайны и страхи. Но очень скоро идеальная семейная жизнь начинает напоминать тщательно выстроенный эксперимент, где каждый шаг девушки просчитан, а любое сомнение оборачивается наказанием. В этой игре у Евы почти нет права на ошибку — слишком многое поставлено на кон. Чтобы обрести свободу, ей придется молчать, притворяться и ждать своего единственного шанса. Потому что когда палач знает все твои страхи, малейший просчет может стать последним.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-245818-7

© Корбут Я. О., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

После нажмем на сердце кнопку. Настоящее	6
Опасные связи. Прошлое	12
Мысли в моей голове. Настоящее	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Янина Корбут Алатырь Евы

Дизайн обложки Натальи Каштыкиной

© Корбут Я., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*...Я переехала, потому что влюбилась,
но это не имеет значения.*

Нет, это, безусловно, имеет значение...

После нажмем на сердце кнопку. Настоящее

Виктор предложил накрыть стол для гостей на веранде и теперь с гордым видом осматривал, все ли идеально готово к их приходу. Да, я даже про себя называю мужа полным именем, потому что он терпеть не может короткую форму Витя. Друзья называют его просто Вик. Друзья, но не я. Для меня он всегда остается Виктором.

Машина уже припарковалась у ворот, я слышу хлопанье дверей и возбужденные голоса. С волнением окидываю взглядом наш дом. Каменные стены искрятся на солнце, словно подернутые легким налетом перламутра. Большие окна всегда прикрыты деревянными ставнями, чтобы в доме царила приятная прохлада даже в жару. Черепичная крыша, милый флюгер в виде кота. Забор, ограждающий наш участок, увит виноградной лозой. Дом стоит в самом конце дороги, почти сразу за ним начинается негустой лесок. Сейчас, в конце августа, над садом разносится пряно-кислый аромат яблок.

Мужу повезло с участком: он достался ему от бабушки, который умер лет пятнадцать назад. И долгие годы участок с ветхим домом просто стоял, пока пару лет назад Виктор не затеял построить здесь новый дом для будущей семьи. Участок идеальный: большой, ровный, ближайшие соседи только через улицу, потому что когда-то дома в этом поселке затеяли сносить, хотели строить новый микрорайон. Потом местные жители как-то отвоевали часть земли, и участок остался за нами.

– И постарайся сегодня не провоцировать разговоры о детях, – с нажимом замечает Виктор, заботливо накидывая мне на плечи легкий кардиган. – Думаю, тебе самой будет не слишком приятно разговаривать на эту тему.

– Мне неприятно разговаривать на эту тему ни сегодня, ни когда бы то ни было еще, – сухо отзываюсь я.

– Не забывай, гости приехали на новоселье, им хотелось бы увидеть, как отлично мы устроились. Так что никаких слез. Улыбайся.

Мы идем через небольшую аллею роз, чтобы встретить Элли и Максима – наших друзей. Точнее, друзей Виктора, но раз я его жена, значит, они и мои друзья тоже.

Максим среднего роста блондин, с выцветшими бровями и прозрачными рыбьими глазами. Когда-то он работал вместе с Виктором в психиатрической больнице. Потом его позвали на должность заместителя главного врача в центральную больницу Алатыря, а его жена Элла уже много лет работает управляющей в кафе.

– Боже, это просто мечта! – восторгается она, не успев войти во двор. Элла до этого дня не приезжала смотреть дом, Максим же помогал Виктору с переездом, так что наверняка уже много рассказывал жене о прекрасной жизни за городом. Я знаю, что Максим тоже мечтает о частном доме, но Элла из последних сил держится за квартиру, не желая огородничать. Так что сегодняшней день – своеобразная рука помощи Максиму: мы должны показать Элле, как прекрасна жизнь за городом, где есть свой садик, баня и зона барбекю.

– Ева, тут восхитительно, – щебечет она, – но скажи честно: этот тиран заставляет тебя днями работать в саду? Ох, розы пахнут невероятно. Сад ухоженный, а грядки, где грядки?

Я улыбаюсь и с любовью гляжу на мужа.

– Ну что ты, Элла! Я сама с радостью занимаюсь цветами, а вот грядки... В следующем году обязательно посадим овощи, зелень. В этом было не до того, мы старались как можно быстрее переселиться в дом, поэтому все силы ушли туда. И нет, я не сильно устаю от сада. Да и сам Виктор у нас любит копаться в земле. Посмотрите, какие яблони!

– Действительно, впечатляет!

– Он просто знает толк в удобрениях. Да, милый?

Муж отмахивается, прикидываясь смущенным:

– Было бы странно жить в своем доме и не иметь плодовых деревьев. Думаю, скоро в нашем саду будет много всего и Ева начнет делать заготовки на зиму. У нас есть прекрасный большой погреб, который зря пустует. О, вот и Хоффманы приехали. Пойдем встретим их, Ева. А вы пока погуляйте по саду.

Виктор берет меня за руку и ведет к воротам, где уже выходят из машины Анна и Денис. Я их не знаю, Денис – новый молодой коллега Виктора. Кажется, они подружились, поэтому муж решил пригласить его на новоселье, познакомить с женой, показать дом. Денис улыбчивый и рыжий. Как почти все рыжие люди, кажется веселым и открытым. Я чувствую к нему симпатию и думаю, что он-то точно не будет проявлять жестокость к пациентам. От Виктора я слышала, что Анна не в восторге от переезда в Алатырь, но Денису необходимо отрабатывать целевое распределение. А здесь у него неплохая должность для такого молодого специалиста.

Анна выглядит полной противоположностью уютной кругленькой Элле. Высокая худая брюнетка со скучающим взглядом. По ней сразу видно, что вся эта уездная жизнь ей в тягость. Она привыкла к шумной Казани, к большим компаниям, к разнообразным развлечениям. Ей не хватает масштаба в этом маленьком городке. Она совсем как я когда-то. Кажется, это было в другой жизни.

Анна, в отличие от эмоционального мужа, сдержанно хвалит дом, делая упор на «чистый воздух и единение». Денис наверняка уже сообщил ей о том, что жена Виктора вообще приехала в Алатырь из Москвы, оставив столичную жизнь журналистки. И, гляди-ка ты, довольна всем.

– Ваш дом находится на отшибе – по вечерам здесь не страшно одной? – улыбается Анна, протягивая мне бутылку вина и подарочный сертификат в строительный магазин.

– Нет, – улыбаюсь я как можно шире, – у нас прекрасные соседи, да и в этих местах никогда не было никаких происшествий.

– А еще у нас есть сигнализация – если Ева остается одна, то закрывает ставни и двери: безопасность превыше всего. Да, милая? – Виктор подмигивает мне и приглашает всех к столу. – Где там твоя гостя? Она точно приедет?

– Да, матушка Мария будет, – отвечаю я, отводя глаза.

– Может, нам стоило встретить ее возле остановки?

– Хочешь, могу сама сходить, – предлагаю, зная, что Виктор не допустит, чтобы я куда-то отправилась без него.

– Матушка? – переспрашивает Анна, присаживаясь в плетеное кресло под яблоней.

Я рассказываю, что после приезда в Алатырь мы с мамой жили на квартире у вдовы батюшки, Марии Леонидовны. Милая женщина стала нам почти родственницей, и теперь, когда мамы уже нет с нами, мы продолжаем поддерживать теплые отношения.

– Она же была на свадьбе? – уточняет Элла, проваливаясь в гамак, натянутый между грушей и грецким орехом.

– Да, единственный гость с моей стороны, кроме сестры и отца, конечно, – замечаю я. – Раньше мы часто навещали матушку в церкви, а теперь Виктору все время некогда, а я не вожу машину. Да и добираться далековато...

– Кстати, надеюсь, в субботу ты сможешь пройти со мной по магазинам? – спрашивает Элла и, повернувшись к Виктору, обиженно замечает: – Она уже который раз не может! Вик, подвези жену, наконец. Мне грех не воспользоваться ее столичным вкусом, хочу сделать небольшой ремонт в зале...

– Элла, зачем нам делать ремонт в квартире, если мы планируем переезжать?.. – встревает Максим.

– Это ты планируешь! Я знаю, он хочет дом, но пока не выйду на пенсию, этого удовольствия я ему не доставлю. Так что едем выбирать обои и диван. Аня, хочешь с нами? Вы же тоже обживаетесь? Потом можем посидеть где-нибудь в кафе.

– Я не против. – Анна заметно оживляется, хотя я уверена, что ремонт ей безразличен. Наверное, ей просто интересно пообщаться со мной и понять, как я докатилась до такой жизни.

– Замечательно, – улыбаюсь я, хотя заранее знаю, что не смогу встретиться с ними ни в субботу, ни в какой-то другой день.

Виктор хочет что-то сказать, но общее внимание переключается на матушку, которая заходит во двор с сумками и букетом астр. Эти цветы очень любила мама, и у меня на глаза наворачиваются слезы, но я быстро пытаюсь их спрятать. Никто не должен понять, что со мной что-то не так.

Я кидаюсь к матушке Марии чуть быстрее, чем того требуют приличия, и Виктор еле поспевает за мной. Матушка обнимает меня и протягивает Виктору руку для легкого пожатия. Несмотря на то что мой муж нравится всем без исключения, я уже который раз замечаю настороженный взгляд, который бросает на него матушка. Наверное, после смерти нашей матери она чувствует ответственность, а еще у нее нет своих детей, и она по-настоящему привязалась к нам с сестрой, пока мы жили вместе. Виктор старается быть любезным, но я знаю, что и он не слишком жалуется пристальное внимание матушки к нашей семье. А особенно то, что она стала часто навещать Зою в психиатрической клинике.

– Я привезла свежий мед. – Матушка достает из сумки банку и протягивает мне.

– Ну что вы, Мария Леонидовна, не стоило так волноваться. Тем более я упоминал, что у меня на него аллергия, – многозначительно замечает Виктор. – В детстве, представьте, чуть не умер от анафилактического шока, так что нам лучше не держать мед дома. А то вдруг я когда-нибудь разозлю любимую жену и она приготовит мне чудо-чай?

Все смеются, а Виктор продолжает:

– Давайте-ка мы лучше отдадим этот мед Элле. Вы же не против? Их мальчишки точно обрадуются.

– Конечно...

– О, эти сладкоежки слопают его за день, – соглашается Максим. – Спасибо! Я и сам обожаю мед. Пойду сразу поставлю в машину, чтобы не забыть.

Матушка смущена, потому что ничего не знала про аллергию Виктора. Чтобы замаять неловкость, зову всех на веранду. Мы усаживаемся за стол, на котором уже расставлены закуски и салаты. Виктор разливает шампанское и произносит первый тост за собравшихся в нашем новом доме. Я делаю глоток, прикрываю глаза и на мгновение представляю, как я могла бы жить на самом деле. Открывая глаза, ловлю на себе пристальный взгляд Анны.

– Надо проверить пирог, – встаю я из-за стола, Элла порывается помочь, но Виктор просит гостей наслаждаться отдыхом. На кухню мы идем вместе. Пока я проверяю пирог, Виктор делает мне многозначительные знаки, указывая рукой на погреб, что виден из окна. Я чуть заметно киваю и достаю из холодильника блюдо с заливным языком. Виктор берет бутылку коньяка и лед.

Вернувшись к столу, застаем разговор между Максимом и Анной об обязательном распределении будущих медиков.

– По логике государства, если оно платит за образование специалиста, то хочет получить компенсацию в виде работы этого врача на местности. Рациональное зерно, конечно, в этом есть, – замечает Максим.

– Конечно, с одной стороны, желание государства решить проблему кадрового дефицита понятно. С другой – к этому вопросу надо подходить с умом. Мы, например, воспринимаем это распределение как рабство. Они добьются обратного эффекта: люди перестанут поступать на медицинские факультеты – и специалистов станет еще меньше, – упрямо твердит Анна.

– Может, вам понравится у нас в городе, – замечает матушка. – Ева – отличный пример того, как человек может изменить свое мнение. Какое-то время назад, сразу после переезда,

она была совсем другой. Тоже не мыслила жизни в провинции, говорила, что не задержится здесь, а вот что вышло.

– Ну она же не знала, что встретит тут свою любовь, – шутит Максим, подливая всем дамам шампанское.

– Как это романтично! – вздыхает Элла. – Мы уже не верили, что Вик найдёт ту, что растопит его сердце.

– Сколько вам лет, если не секрет? – спрашивает Анна, обращаясь ко мне и мужу одновременно.

– Мне тридцать пять, Еве двадцать семь, – отвечает Виктор, улыбаясь и с любовью глядя на меня. – Да, я тоже думал, что так и останусь холостяком. При моей работе со сложными пациентами трудно переключаться. К счастью, Ева сама знает, что такое нездоровый человек в семье, сколько сил это отнимает. Ее сестра-близнец родилась особенным ребенком...

– Зоя нормальная! – возражаю я и поясняю для Анны: – У матери были трудные роды, Зоя была второй, долго испытывала кислородное голодание...

– К сожалению, такое бывает, – бормочет Максим, а Виктор сочувственно подхватывает:

– Расстройство аутистического спектра – ее особенность, она с детства жила с тобой, и ты привыкла.

– Извините, если спровоцировала неприятную тему, просто я еще не в курсе, – смущается Анна и тянется к бокалу.

– Я же рассказывал тебе, – тихо замечает покрасневший Денис, – сестра Евы лечится у нас в клинике. После смерти матери у Зои обострилась шизофрения. Так бывает у людей с аутизмом. Ева, ничего, что мы это обсуждаем?

– Нет, все в порядке, – вымученно улыбаюсь я, чувствуя руку мужа на моем плече. – Мы тут все свои. И я знаю, что сестра в надежных руках. Виктор делает все, чтобы она могла как можно быстрее вернуться к нормальной жизни.

– Как только ей станет лучше, мы заберем Зою к нам. Знаете, когда я увидел, как Ева заботится о сестре, понял, что она именно тот человек, который мне нужен. Тогда, в кабинете, она напомнила мне ангела, который спустился с неба. А еще она была очень напугана, хотелось защищать ее...

– Вик, нельзя быть таким идеальным, – закатив глаза, замечает Элла и обращается к Максиму: – Учись, сухарь! Вот как надо говорить о своей жене. А не «ты жива еще, моя старушка».

– А ты, Ева? Ты тоже сразу поняла, что Виктор – тот самый? – не отстает Анна. Она осмелела, потому что уже выпила пару бокалов, а к еде почти не притронулась.

– Конечно, – отвечаю я, честно пытаюсь вспомнить нашу первую встречу с мужем. Тогда я привезла на прием сестру и мне точно было не до романтики. Кажется, выглядела я ужасно, ведь только пару дней назад похоронила мать, а тут приступ у сестры...

– У Евы и Зои практически нет родных. Так что заботиться о них – теперь моя мужская обязанность.

– А твой отец? – спрашивает Анна, упорно игнорируя попытки Виктора закрыть тему.

– Он бросил нас, когда мы были совсем маленькими. Наверное, это случилось из-за сестры, не каждый мужчина способен принять ребенка с особенностями.

Виктор кивает:

– Мы приглашали его на свадьбу. Думали, он не приедет. Проблемы со здоровьем, да и живет он теперь в Казахстане. Но он приехал, так что мы знакомы.

– Да, жаль, пробыл недолго. Мы иногда созваниваемся. Я бы хотела съездить к нему с сестрой, но пока...

От воспоминаний опять в горле комок, я быстро встаю, чтобы пойти на кухню за горячим.

Слышу, как муж пытается разрядить обстановку:

– Ладно, не будем о грустном, Аня, рассказывай: как тебе наш город? Эпитеты «ужасный» и «провинциальный» я уже слышал – может, за этот месяц что-то изменилось?

Долго задерживаться на кухне нельзя, иначе меня могут хватиться. Есть время ровно на то, чтобы достать противень из духовки и переложить горячее в заранее приготовленную тарелку. Запеченный картофель тоже уже готов: хрустящая корочка чуть вздулась, самое время обсыпать все мелко нарубленной зеленью и чуть полить соусом.

С основным блюдом, похоже, я угадала. Матушка нахваливает мою утку, запеченную с яблоками и клюквой. К ней присоединяются остальные. Виктор кивает и заявляет, что я изумительно готовлю.

Я вдруг некстати думаю, насколько же мой муж красив. Какие у него широкие плечи, мужественный подбородок, четкий профиль. Его широкие ладони с длинными пальцами внушают мысли о мужественности и надежности. Да, наверное, я сразу отметила, что он привлекательный мужчина. Тактичный, внимательный, умный. Вон как непринужденно он поддерживает беседу за столом! Даже бука Анна расслабилась и начала улыбаться.

– Поймите и меня! Когда живешь в каком-то месте достаточно долго, у тебя появляются привычные места: где ты пьешь кофе, где ходишь по магазинам, где обедаешь, отдыхаешь. Есть своя парикмахерская, свои врачи. А тут я переезжаю в новый город – и у меня ничего этого нет. Я словно в вакууме оказалась.

И вот уже Виктор рассказывает ей о нашем городе, советует хороший тренажерный зал, лучший супермаркет и парочку ресторанов, где вкусно кормят.

– А вообще, смешно вышло! Когда Денис сказал, что мы едем в Алатырь, я подумала, что это какое-то сказочное название, – хихикает Анна, а Элла подхватывает разговор:

– Бытует интересная легенда о названии нашего города. Якобы имя крепости дали из-за легендарного Алатырь-камня, считающегося в славянской мифологии центром мира. Камень этот затерян где-то в морских водах на острове Буяне. И именно там стоит трон мирового царствования. По легенде, Алатырь-камень обладает волшебными свойствами: из-под него вытекают все реки с живой водой.

– И все-таки самыми популярными достопримечательностями города считаются храмы. – Матушка Мария никогда не упустит возможности рассказать приезжим о главных объектах города. – Наш Алатырь за них и прозвали «православным центром Поволжья». Это и собор Усекновения главы Иоанна Предтечи, и Николо-Знаменская церковь, и собор Рождества Пресвятой Богородицы. Конечно, вам надо побывать в Свято-Троицком мужском монастыре, с шестнадцатого века о нем не утихают разговоры.

– Так, давайте немного отвлечемся от истории города и выпьем за прекрасную пару – Вика и Еву, – предлагает Денис и снова наполняет бокалы. – И за их чудесный дом. Пусть он как можно быстрее наполнится детским смехом и счастьем!

– Ну пока мы детей не планируем, надо немного пожить для себя, – замечает Виктор. – Тем более второй этаж еще не доделан. Так что у нас все впереди! Ева хочет прийти в себя после смерти матери, и я ее не тороплю. Главное – это психологическое здоровье, мы над этим работаем.

Он многозначительно замолкает, и мне начинает казаться, что все вокруг понимают, о чем идет речь. Друзья Виктора считают меня неуравновешенной. Муж внушает всем, что я не оправилась после череды неприятностей, свалившихся на меня в последние годы.

– А кем ты работаешь здесь, в Алатыре? – интересуется Анна. Как видно, ее не покидает мысль докопаться до моей сути.

Я объясняю, что до переезда, да и вообще до всех событий последнего года, работала журналисткой в Москве. Кстати, в довольно крупном издании, брала интервью у звезд, часто ездила в командировки, ходила по концертам и выставкам.

– Как интересно! Получается, ты знала многих знаменитостей, могла ходить на их выступления? Наверное, ты скучаешь по той своей жизни?

– Да, но я ценю то, что здесь тихо и все под рукой, – уклоняюсь я от прямого ответа. – Наш уездный городок привлекателен как раз своей провинциальностью, здесь можно найти миротворение и душевный покой.

– А почему бы тебе не попытаться устроиться в газету или на телевидение здесь? Конечно, масштаб не тот, но хотя бы не сидеть в четырех стенах.

Виктор снова спешит мне на подмогу:

– Еве нужно восстановиться, да и с домом хлопот хватает. Когда я открою клинику, она сможет заняться работой менеджера. Если, конечно, захочет. Я старомоден и считаю, что женщина вполне может посвятить себя дому и детям, если ей так хочется.

Дальше разговор заходит о частной психиатрической клинике, которую хочет открыть мой муж. Он обсуждает с Максимом и Денисом тонкости законодательства и то, как продвигается ремонт в выбранном им помещении. Мы слушаем музыку, потом я приношу десерт – пирог и конфеты, Виктор помогает мне с чаем и кофе.

Лед, тающий в стаканах с шампанским, льняные салфетки, сдуваемые легким летним ветерком, огромное солнце, безмятежные гости...

– Твой муж – просто золото, – улыбается Элла, пока Виктор показывает Анне и Денису альбом с фотографиями с нашей свадьбы. – Еще и красавец! Да вы оба просто красавцы. И такие загорелые после отдыха! Уже прошло несколько месяцев, а загар все держится. Завидую белой завистью, мы тоже в Турцию махнем в октябре. Наверное.

Элла обнимает меня еще раз. Анна легонько касается моей щеки губами и говорит, что ждет субботы. Мужчины несколько раз повторяют, что все было очень вкусно, а на прощание тоже по очереди целуют в щеку. Подвыпивший Максим громко шепчет:

– Береги мужа! Он так изменился в последнее время. Просто здорово, что он встретил тебя и вы поженились. Наконец медсестры перестали питать бесплодные надежды. Не знаю, как сейчас, но раньше они ему прохода не давали. Пока у него не появилась Саша, а потом...

Элла понимает, что муж сболтнул лишнее, напомнив о девушке Виктора, что поступила с ним «ужасно несправедливо». Она толкает мужа в бок и сама наклоняется ко мне:

– Знаешь, у вас так здорово! После всего того, что тебе пришлось перенести... Ты дорожи этим, Ева. Уверена, Вик уже думать забыл о той вертихвостке. Она и в подметки тебе не годилась. Все-таки правду говорят: все, что ни делается...

Я улыбаюсь, давая понять, что не злюсь на Максима, но замечаю, что Анна ловит каждое слово, пытаюсь понять, что же такого случилось в жизни идеального Виктора до встречи со мной. Уверена, она будет пытаться Дениса в надежде отыскать в нашей паре какие-то скрытые дефекты. Тщетные мечты!

Матушка Мария чуть дольше обычного держит мои руки в своих теплых, чуть шершавых ладонях и просит заезжать почаще.

– Может, стоит все-таки забрать Зою? Я могла бы взять ее к себе, у нас в монастыре всегда нужны руки. Ей бы там было хорошо. Больница не кажется мне подходящим местом, она там уже так долго! – снова начинает она, надеясь поговорить со мной наедине, но Виктор уже рядом, и она смущенно замолкает.

Муж чуть выходит за ворота, чтобы помахать отъезжающим, потом возвращается в дом. Я бреду следом. Он расстегивает ворот рубашки и закатывает рукава, всем видом давая понять, что формальный визит окончен. Притворяться больше нет надобности.

С уходом гостей дом словно снова погружается в безвременье, в глубокий сон, на веранду быстро ложатся зловещие тени деревьев. Виктор усаживается на террасе и подливает себе чай. В окно веранды безуспешно бьются слетевшиеся на яркий свет мотыльки. Я думаю о том, как же им повезло, что они снаружи, а не внутри.

Опасные связи. Прошлое

Я ни капельки не соврала Анне, описывая свое знакомство с Виктором. Тогда, много месяцев назад (кажется, прошла вечность) я действительно привела к нему на прием Зою. Помню, как расплакалась от бессилия.

– Простите, я первый раз в таком заведении. Даже не знаю, как тут все устроено. Вы... врач? Извините, не знаю ваше имя-отчество.

– Успокойтесь, все в порядке. Меня зовут Виктор Андреевич. Давайте я вам все поясню. У нас есть заведующий отделением. Как бы это сказать... Самый опытный психиатр по отделенческому профилю. Он каждый день на обходе, кроме выходных. Ему можно высказать все жалобы, предложения. Даже если он не будет лечащим врачом вашей сестры, вы все равно можете с ним контактировать. А я врач-психиатр. Прием у своего лечащего врача и краткий осмотр вечером у дежурного – обязательный минимум.

– Вы же видели сестру... Что можете сказать после осмотра?

– У нее сейчас острый период. У каждого человека с аутизмом могут быть свои особенности и своеобразные реакции во время нервного срыва. Одни все крушат, другие направляют агрессию на себя, кто-то может даже заниматься членовредительством. Каждый переживает это состояние по-своему, но есть похожие черты приступов. Такой срыв чем-то похож на ядерный взрыв в мозгу. Когда вся нервная система и мозг просто перегрелись и на такую переработку отвечают одномоментным выплеском энергии.

Сами же люди, страдающие аутизмом, описывают это состояние как движущийся неуправляемый поезд на полном ходу. Некоторым кажется, что их сознание в виде неконтролируемого гнева и агрессии как будто вырывается наружу, а какая-то их часть остается наблюдать за происходящим, но повлиять на процесс не может.

– И как ее лечить? Раньше этим занималась мама, у нас был свой врач в Москве...

– Во-первых, нужно глубокое обследование. Для каждой из этих ситуаций какие-то вещи будут применимы, а какие-то – нет. Поэтому ориентироваться на прошлый опыт в этом вопросе можно, но не слишком.

Виктор предложил мне чай и рассказывал, а после внимательно слушал. Я же сбивчиво пыталась объяснить, зачем мы приехали в Алатырь, как оказались за сотни километров от дома.

Нас с Зоей вырастила мать, отец, сколько я себя помню, отсутствовал. Он стал изредка объявляться в нашей жизни телефонными звонками и переводами денег на день рождения, когда мы пошли в школу. После развода с матерью он переехал по работе, и теперь у него в Казахстане была новая семья, сын.

Мать узнала об онкологии в третьей стадии внезапно. Отправилась проходить ежегодную медкомиссию на работе (она работала заведующей в детском саду). В тот день наша обычная жизнь закончилась. Мать, и без того набожная, стала еще чаще ходить в церковь, и там кто-то рассказал ей про Алатырь – небольшой русский город в Чувашии. Она решила, что ей обязательно нужно посетить Свято-Троицкий монастырь.

– После того как Русская православная церковь разорвала отношения с Константинопольским патриархатом, люди стали ездить в паломничество не в греческий Афон, а в Алатырь, чтобы сходить на могилу старца Иеронима, – в возбуждении рассказывала она нам в тот вечер.

Зоя жила с матерью, и я понимала, что теперь мне придется взять на себя заботы не только о больной матери, но и о сестре.

До этого жизнь моя была максимально беззаботной. Я снимала квартиру со своим парнем, много работала и вообще не задумывалась о будущем. Иногда, оглядываясь назад, я пытаюсь вспомнить ту себя, но воспоминания мои чаще всего отстраненные. Я будто рассказываю

о постороннем человеке. Так вот, та Ева не задумывалась о будущем. Она училась потому, что надо было получить диплом, профессию выбрала максимально свободную, постоянно подрабатывала, прогуливала учебу, могла спонтанно рвануть с друзьями на море. Много тусовалась за полночь и на дачах, каталась на скейте, танцевала. Посещала все новые выставки и была на всех модных спектаклях. Много читала, ходила на курсы вокала. Где же ты, та веселая бесшабашная девчонка?

Только близкие знали, что у меня есть особенная сестра-близнец Зоя. Мы – разнояйцевые близнецы, два разных человека. В отличие от однойяйцевых близнецов, у которых даже ДНК одинаковая, поэтому и поражения могут быть генетически одинаковые.

Для мамы это сначала тоже был шок: как же так! Дети – двойняшки, развивались в одном организме, от одного мужчины, беременность у нее протекала без патологий. И вдруг страшный в своей непонятности диагноз «аутизм».

– Аутизм – это то, что изначально «прячется», это невозможно заметить ни в утробе матери, ни сразу после рождения спрогнозировать заболевание, – терпеливо объясняли ей врачи раз от раза, но она долго не могла принять этот факт. И совершенно не понимала, отчего у Зои случилось вот так. Врачи же были склонны грешить на генетические нарушения.

Потом маме объяснил один хороший доктор, что у аутизма всегда есть триггер – то, что запускает механизм и раскручивает маховик заболевания. Мама забеременела поздно по меркам тех лет, ей было уже тридцать шесть. И это тоже был один из факторов риска, но тот врач, проанализировав нашу историю, связал аутизм Зои с осложнениями во время маминых родов. Я появилась на свет первой, а вот сестра успела испытать в утробе кислородное голодание. Это едва не стоило ей жизни, ведь в то время технологии были еще не так развиты. Помню, узнав об этом, я почему-то почувствовала острую вину перед сестрой, будто обогнала ее на финише. Я была победителем, но проигравший заплатил за мою победу слишком высокую цену.

Со стороны никто бы не заподозрил, что с Зоей что-то не так. Малышкой она могла подолгу сидеть, расставляя мамины флаконы духов, сортируя фигурки животных. Ей нравилось наблюдать за природой, за насекомыми, особенно за пчелами. У нее было неплохо развито воображение, игровые и подражательные навыки, она даже иногда принимала участие в сюжетно-ролевых играх. Нарушения и проблемы в общении особенно остро стали проявляться ближе к школе.

Она стала сложнее воспринимать длинные предложения, не могла подолгу поддерживать разговоры, плохо понимала язык тела, с трудом интерпретировала свои чувства. Переходный возраст стал еще более трудным периодом. Для красивой молодой девушки непонимание подтекста представляло большую опасность, она была максимально уязвима для любого вида насилия. У нее проявилась высокая чувствительность к звукам, запахам, прикосновениям. Иногда она могла легко потерять самообладание на ровном месте.

Конечно, Зоя очень старалась соответствовать ожиданиям общества, но это приводило к тому, что она просто копила эмоции и переживала их взрыв внутри себя. Особенно изнуряло и выматывало желание скрывать срывы – для этого она уединялась спальне или ванной, где ее не могли увидеть. Будучи очень умной, Зоя успешно скрывала симптомы аутизма и копировала поведение нейротипичных людей¹, сама при этом очень сильно истощаясь. Благодаря своей феноменальной памяти она запоминала диалоги из книг и сериалов и в дальнейшем пыталась сформировать «сценарий» реальных разговоров.

После школы Зоя даже смогла поступить в университет на заочное, выбрала библиотечное дело. Параллельно работала в детской библиотеке возле дома, помогала разобраться с книгами и делала еще много маленьких, но нужных дел. Если честно, тогда я не сильно беспо-

¹ Нейротипичные люди – люди, чье неврологическое развитие и состояние соответствуют общепринятой норме; не имеющие аутизма, СДВГ, дислексии и других нейроотличий (*прим. ред.*).

коилась за нее. У меня была своя насыщенная жизнь, постоянные любовные переживания, проблемы в отношениях, карьерная гонка на работе. Я любила забежать к ним в выходные в нашу небольшую квартирку, забраться с ногами в кресло и пить чай, сидя под абажуром. Казалось, так будет вечно: мама, Зоя, их размеренный быт.

Теперь я ясно понимаю, что тогда больше всего испугалась за себя: мама больше не поможет. Мне придется взвалить заботу о сестре на свои плечи.

Последние два года я жила с Пашей, он был программистом, мы неплохо ладили. Я даже подумывала, что выйду за него замуж. Но когда началась вся эта волокита с больницами, химиотерапией, я постоянно пропадала у нас дома, присматривала за Зоей, ездила к маме. С работы пришлось уволиться, я ушла на фриланс, иногда писала статьи для журналов, у меня были кое-какие накопления, так что я дала себе полгода на помощь семье. Паша, видимо, раньше меня понял, что последует дальше. Он прикинул шансы выжить с третьей стадией рака груди, и неизбежность появления в нашей жизни сестры с аутизмом стала его тяготить. Начались мелкие ссоры, жалобы на нехватку внимания, моя раздражительность и усталость, потом крупные конфликты – и вот я осталась одна.

От съемной квартиры пришлось отказаться, потому что снимать ее одной, не имея постоянного дохода, я не могла. Да и какой в этом был смысл, если все время я проводила у своих? Конечно, я любила Зою всей душой, но перспектива прожить всю жизнь с ней бок о бок как две старые девы ужасала. А шансов, что кто-то согласится принять меня с сестрой, казалось, совсем не было. Теперь я понимаю, что сама впала в депрессивное состояние и все видела в мрачном свете. Выход, конечно, можно найти всегда, но тогда я все больше погружалась в бездну отчаяния.

В какой-то степени поездку в Алатырь я восприняла как возможность перезагрузки. Думала, вернемся – и все как-то образуется. Мама вроде чувствовала себя лучше, мы собрали вещи, закрыли квартиру и сели на поезд.

Мамина приятельница из церкви дала ей адрес Марии Леонидовны, вдовы священника, которая как раз работала в монастыре. У нее был частный дом, и она охотно брала на постой приезжающих паломников. В итоге мы задержались у нее на семь месяцев и стали очень близки. Я почти всегда была при маме, Зоя помогала при монастыре. Так сложилось, что через какое-то время маме стало хуже, ее положили в местную больницу, где она и умерла. Матушка Мария очень нас поддерживала и последние месяцы даже не брала деньги за проживание. Именно после похорон у Зои и случился приступ, который привел меня к Виктору.

Была осень, и мы повезли ее в больницу. В какой-то момент город с шумными улицами остался позади, потому что «психушка» (так ее назвал водитель такси) располагалась в старом районе возле реки.

Нужная нам улица начиналась у подножия небольшого холма, дальше шло пересечение дорог: одна уходила вниз, прямо к больнице, вторая поворачивала к роще, за которой начиналась река. Эта дорога была хуже и изрыта ямами. Мы отправились по той, что асфальтирована, и скоро подъехали к воротам. Сама больница стояла на невысоком пологом склоне в окружении вековых сосен. Место было атмосферное, но само здание, конечно, производило удручающее впечатление.

Начнем с того, что больница была окружена двухметровым забором. Облупившаяся краска, когда-то бежевая, смотрелась грязно. Новые корпуса на заднем плане напоминали бараки в концлагере. Эти одноэтажные здания, в которых шел ремонт, были окружены еще одним забором из металлической сетки. Возле входа в основное здание топтался, словно часовой, пожилой охранник в застиранном то ли пальто, то ли халате. В утренней дымке по территории бродило еще несколько работников в дождевиках. Кто-то входил и выходил из покосившегося одноэтажного здания, пристроенного к больнице. Потом я узнала, что там располагалась лаборатория и стоматологический кабинет.

Шел дождь, я плакала, всхлипывая как ребенок. В таком виде я и попала в кабинет к Виктору: мокрая, с синими кругами под глазами, в старом плаще. Понятно, что последние полгода в Алатыре я не ходила ни на маникюр, ни на массаж лица, ни на стрижку с окрашиванием. Правда, отсутствие косметики делало мое лицо по-детски беззащитным, да и волосы, как ни странно, стали только лучше – отросли и заблестели, но общий вид все равно был далек от идеала. По крайней мере, по моим меркам того времени.

Мысли в моей голове. Настоящее

Ровно в девять Виктор открывает мою дверь и напоминает, что через полчаса мы выезжаем. У нас так всегда: распорядок превыше всего, как в психбольнице. Но я совсем не переживаю. Времена, когда мне нужно было много времени на сборы, остались в прошлом. Душ я приняла, осталось причесаться и немного подкраситься, а то мои мешки под глазами опять станут поводом для обсуждения среди медсестер.

Виктор вглядывается в мое лицо, пытаясь отыскать какие-то признаки недовольства или волнения, но оно бесстрастно. Моему мужу совсем незачем знать, какие мысли бродят в моей голове. Он ждет, пока я причешусь, замечает, что мне лучше не собирать волосы в хвост, иначе видна худая шея. Ему все время кажется, что я слишком худая и скоро это станет заметно окружающим.

Мы вместе идем в гардеробную, расположенную возле моей комнаты, Виктор садится на пуфик и наблюдает. Я делаю вид, будто выбираю платье, хотя мы оба знаем правила игры: пойду в том, что нравится мужу.

– В этом платье тебя вчера видел Денис. Скажут еще, что я экономлю на жене. Надевай то зеленое, что мы купили на прошлой неделе. Оно подходит к твоим глазам.

Я киваю и беру легкое льняное платье с вешалки. Сейчас тепло и можно не думать о колготках, я их терпеть не могу. Раньше чаще носила джинсы, но Виктору нравится, когда я выгляжу женственно, а не как «пацанка в рваных штанах».

Муж подходит, становится сзади и задумчиво разглядывает меня в зеркале. Проводит пальцем по моей щеке, зарывается носом в волосы.

– Тебе нужно сменить шампунь, этот будто пахнет медом. Ненавижу его запах. Ты же помнишь про мою аллергию?

Он протягивает мне босоножки на небольшом каблуке и бросает беглый взгляд на часы. Я понимаю, что нужно поторопиться, и присаживаюсь к туалетному столику.

Немного румян, чтобы не выглядеть живым мертвецом, консилер под глаза, тушь и блеск для губ. Этого пока достаточно, чтобы придать мне свежий вид счастливой женщины, которая обожает проводить время в саду и наслаждается отдыхом. Встаю, беру сумочку и даю понять, что готова. Бросаю последний взгляд в зеркало и убеждаюсь, что выгляжу идеальной степфордской женой. Что поделаешь, если мужу нравится моя женственность, нравится, когда я похожа на ангела? В начале наших отношений я шутила, что в детстве он не наигрался в куклы, а сейчас многое отдала бы за шорты и растянутую футболку, в которой раньше ходила дома.

Я жду, пока муж поставит дом на сигнализацию, и мы идем к машине. У нас практически новый внедорожник с большим багажником. При продаже предыдущий владелец шутил, что в нем можно перевозить трупы. Странное у людей чувство юмора. Хотя пару лет назад, наверное, я бы тоже улыбалась после такой шутки.

Виктор обходит машину, чтобы открыть мне дверцу. Когда я сажусь, замечаю соседских детей на велосипедах. Их двое – мальчик и девочка, старшекласники. Когда мы только заселились, соседка пыталась попроситься в гости, пару раз заходила, предлагала сажены цветы. Я была бы не против ее визитов, хоть какое-то разнообразие. А вот Виктор не горит желанием пускать ее во двор, чаще вежливо общается, выходя за ворота. Извиняется и говорит, что у меня мигрень или подавленное настроение из-за смерти матери и проблем с сестрой. Соседка понимающе кивает: у всех бывают темные полосы в жизни.

– Главное, – говорит она, – всегда быть рядом и поддерживать жену.

Эта милая женщина, как и остальные соседи, видит, как мне повезло с мужем. Он всегда рядом и всегда поддержит, что ни говори. Наверняка она рассказывает каким-нибудь своим

подругам, что не каждый мужчина способен жить с депрессивной истеричкой: «Ей бы ребенка, а лучше двух – депрессия мигом бы прошла...»

Виктор приветственно машет детям, те в ответ звонят в звоночек – и уезжают дальше, в лес. Погода отличная, как раз для прогулок. Я с наслаждением вдыхаю воздух, пропитанный ароматом травы после дождя. Смотрю на наш дом за высоким забором и понимаю, почему мне завидуют окружающие. Сам себе позавидуешь: не дом, а рекламный проспект для агитации всех срочно переезжать за город.

Думаю о вчерашнем новоселье, анализирую, не заметила ли матушка Мария моего состояния. Не хотелось бы огорчать ее еще больше. Она и так переживает из-за Зои.

– Утка тебе вчера удалась идеально, – замечает Виктор, сворачивая на асфальтированную дорогу. Оказывается, он тоже вспоминает вчерашний вечер. – И вообще, ты держалась молодцом. Я же говорю: можешь, когда хочешь! Из тебя выйдет идеальная жена при определенных усилиях. Да, солнышко?

– Сомневаюсь. Столько усилий я не вынесу, – шучу в ответ, шурясь от солнца.

– У нас все впереди. Кстати, Денис теперь лечащий врач Зои.

– Ее теперь лечит Денис? – удивляюсь я. – Ты передал ему своих пациентов?

– Да, он же хороший специалист. Я видел, что он тебе понравился. А вот жена Дениса, кажется, не очень расположилась к тебе. Как думаешь, почему?

– Наверное, не может поверить, как столичная девушка променяла карьеру и свободную жизнь на уединение в саду с кротами. Странная она, да? Чего же тут неясного?

– Но ты же счастлива?

– Еще бы!

Виктор довольно улыбается и делает музыку чуть громче. Дает понять, что разговор окончен. Мимо проносится лесополоса, виден кусок реки. Мы живем в очень живописном месте, хоть картины рисуй. Кстати, нужно попросить Виктора купить мне мольберт, войду в образ эксцентричной художницы, что обожает уединение. Художникам чаще прощают чудинку: они же люди другого толка.

До работы Виктора ехать всего минут двадцать – вот оно, преимущество маленьких городов. Муж подпевает радио, а я размышляю об Анне. Она молода, но неглупа, поэтому опасна. Кажется, ей не дает покоя мысль, что кто-то может быть счастлив в глуши. Она точно захочет еще не раз вывести меня на этот разговор, нужно быть начеку и заранее продумать ответы.

Пока Виктор увлекся радио, я тоже пытаюсь развлечь себя, но мысли все равно крутятся вокруг Анны и ее мужа, Дениса. Я знаю, что Виктор хочет предложить ему подработку в своей новой клинике. Денис толковый специалист, и он вполне сможет совмещать обязательную работу в больнице и частную практику. Возможно, теперь мы станем чаще видеться с Анной, хотя вряд ли Виктору это понравится.

Возле больницы меня, как обычно, охватывает уныние. Эти серые стены навевают тоску, стоит только взглянуть. К счастью, мне не приходится каждый раз проходить через КПП и терпеть всю эту волокиту с пропусками. Мы проходим через служебный вход. За большими дверями (кстати, абсолютно все двери закрыты на общий ключ) находится предбанник для свиданий и первичного ожидания.

Сейчас Зоя лежит в отделении реабилитации. Сначала она лечилась в хроническом, потом, еще до нашей свадьбы, ее выписали. Мы с ней какое-то время жили у матушки, а после нашей свадьбы Зоя снова попала в больницу. Снова в хроническое, но там нельзя было находиться вечно, и ее перевели по настоянию Виктора. В реабилитацию поступают почти здоровые люди после длительного лечения в остром или хроническом. Здесь царит довольно мягкий режим, нет частых проверок и удручающих закрытых палат.

Мы входим в очень широкий коридор, с палатами по обеим сторонам (есть палаты общие, есть изолятор), процедурными кабинетами. Дальше по коридору холл, который совмещает в

себе столовую, комнату отдыха, игровую комнату и кинозал, есть библиотека, туалет, душ для пациентов, несколько постов медсестер. Идем к тому, что посередине.

Виктор кивает дежурной медсестре Маргарите (мы ее называем Марго), о чем-то переговаривается с пожилым лечащим врачом по фамилии Костенко, придерживая меня под руку.

Я же улыбаюсь Марго. Медсестры в психиатрической больнице порой важнее врачей. Ведь почти девяносто процентов времени больные проводят в их обществе. С ними не нужно ссориться, сестра рассказывала, что каждый шаг и вздох больных фиксируется в огромный талмуд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.